

1-80
15065

R 6/55

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

МАЛОРОССІЮ.

ИЗДАННОЕ

К. П. Шаликовыжъ.

Кшо еще не запершъ въ клѣшку —
кшо можешъ, подобно пшич-
камъ небеснымъ, бышь здѣсь и
тамъ, и тамъ и здѣсь — шопъ
можешъ еще наслаждаться бы-
шiemъ своимъ, и можешъ бышь
щасливъ, и долженъ бышь
щасливъ.

Карамзинъ.

14-11-2

МОСКВА, 1803.

у Люби, Гарія и Попова.

ЕКАТЕРИНИНЪ - ДАРЪ.

Великой, незабвенной, обожаемой Монархини одному изъ шѣхъ щасливыхъ смертныхъ, которые изумили судьбу свою обращеніемъ особливаго ея взора на себя (*) — село, достойное своего имени; даръ, достойный руки своей! Оно служилъ славою и украшеніемъ своего Края (**).

Подѣзжая къ нему, видишь такое мѣстоположеніе, которое скрываетъ что-то отъ неперпѣливыхъ глазъ

(*) Г* П* В* З***.

(**) Малороссійской Губерніи.

вашихъ ; обѣщаешь вамъ мно-
гое и зовешь васъ, такъ ска-
зашь , во святилище свое ; —
потомъ видите прекрасно
выстроенное село и велико-
лѣпную церковь Греческой и
Римской архиепископской вмѣ-
стѣ ; наконецъ огромныя па-
лашы , кояорыхъ флигели ,
выходя изъ корпуса дома на-
ровнѣ со вторымъ этажемъ
его , представляють вамъ
опверсшыя обѣщанія — можешь
быть символическое выраженіе
государства хозяина —
не знаю. — Внутренность
дома соотвѣтствуетъ красотѣ
наружности. Въ главной го-
спитальной въ главной мѣстѣ
виситъ во весь ростъ пор-
третъ — божества мѣсна

сего, божества души и сердца
 хозяина — портретъ ЕКА-
 ТЕРИНЫ II. Мраморные бю-
 сты, статуи; превосходныя
 картины, зеркала украшаютъ
 всѣ комнаты; для нѣкоп-
 рыхъ приготовлены драгоцен-
 ныя Французскія *гоблины*. —
 Я жалѣлъ, что картины,
 которыхъ очень много, не въ
 одной особой галлерей. Въ
 кабинетѣ хозяина есть одна
 достоинѣйшая примѣчанія:
 магическая кисть художника
 изобразила спящую Венеру
 безъ всякаго покрывала, кро-
 мѣ собственнй руки ея, на
 которую самой страшнй Ми-
 зогинѣ тихонько подсадуешъ,
 по шому, что она служилъ
 самымъ строгимъ покрыва-

ломъ Какія прелести! . . .
все въ ней — Венера, какъ го-
воришь дю Папи о Медицей-
ской; но что всего лучше,
то она не Рубенсова, не Кор-
реджіева, а собственнаго
Апеллеса — слѣдственно упо-
добленіе Медицейской Венерѣ
проспешельно. — Можно мимо-
ходомъ сказать, что наша
Малороссія — другая Италія:
живописцы, пѣвцы и музы-
канты здѣсь образуются При-
родою. — Въ этомъ же каби-
нетѣ и портретъ хозяйки, ко-
торуюбъ я также принялъ
за Венеру, еслибъ не пред-
упредили меня.

Теперь желалъ бы я бытъ
самъ Апеллесомъ — чтобы
чудошворною кистію напи-

сать вамъ здѣшній испинно
Англійской садъ. — Вамъ ука-
зываютъ его, и вы смопри-
те на дремучій лѣсъ; входи-
те въ него, и понимаете
ошибку свою. Прежде всего
вспрѣчается глазамъ вашимъ
бѣлой величественной па-
вильонъ, оѣненный съ трехъ
сторонъ высокими густыми
деревьями; приближаетесь къ
нему, и видите въ центрѣ
колоннады ~~его~~ Задунайскаго
Ахиллеса — бронзовую во весь
ростъ спашую на дикомъ
мраморномъ пьедесталѣ. Я
снялъ шляпу передъ Героемъ;
осматривалъ его почти съ
благоговѣнїемъ и читалъ въ
мысляхъ стихи нашего Ла-

2
Жен

РГО

Фоншена къ сей самой спашуъ :

Почтенный ликъ ! когдабъ ты
былъ сооруженъ
Съ перуномъ пламеннымъ на берегахъ
Кагула ,
Гдѣ гордый Музульманъ расперзанъ,
низложенъ ,
И гдѣ земля въ крови несчастныхъ
жершвъ понула ;
Тогда бы, на тебя взирая, каждый
рекъ :
„Румянцовъ славный вождь!“ —
и мимо бы прошекъ.
Но здѣсь, здѣсь всякъ тебя
прохожій лобызаешъ :
Здѣсь не Герой въ тебѣ блистаетъ,
и

Прославившій себя единою вой-
ной,
Обрызганъ кровію враговъ среди
сраженій;
Но другъ, но ближній мой
И благошворный Гевій (*)!

Онъ изображенъ, по обы-
кновенію, въ Римской одеж-
дѣ, съ открытою головою;
шлемъ его повѣшенъ на суч-
кѣ пня, на копоромъ Герой
присѣлъ не много, чѣпобъ он-
дохнушь послѣ безсмертнаго
шруда своего; въ одной рукѣ
у него Фельдмаршальской
жезлѣ свой, копорымъ ка-
саешся онъ къ щипу герба
своего, у лѣвой ноги споя-

(*) См. И мои бездѣлки.

щему, и имѣющему сей Латинской девизъ: *non solum armis* (не только оружіемъ) — девизъ не самой скромной; но Алькидамъ ли уважать скромностию? — На базѣ спатуи изображены побѣды его — Кагуль съ спрашною непріятельскою бапареею и проч.

Благодарность воздвигла монументъ сей! — Сказываютъ, что хозяинъ никогда съ покрытою головою не подходитъ къ нему.

Благодарность, свяшая благодарность! ты прогательнѣе, любезнѣе самаго благошворенія! ты служишь опыпомъ изящнаго сердца! —

Потомъ идете березовымъ проспектомъ, изъ котораго выходите на меланхолическія узенькія излучистыя дорожки; задумываешесь; желаете милого сердцу вашему поварихемъ себѣ . . . Признаюсь, что, гуляя по симъ дорожкамъ, я безпрестанно вспоминалъ о шѣхъ двухъ картинахъ, которыя въ кабинетѣ хозяина, и о которыхъ я говорилъ вамъ: онѣ представлялись мыслямъ моимъ въ соединенномъ образѣ . . . Тамъ находите купальню, которая приведетъ на мысль вамъ купальни Аспазій, Альцибїядовъ; здѣсь храмъ покоя съ Греческою надписью; шамъ дикую пустыню, въ ней полу-

развалившуюся хижину, въ кошорой жилъ нѣкогда — деревянной анахорешъ; немного подалѣе отъ нее уединенный храмъ его; здѣсь звѣринецъ съ быспрыми оленями; шамъ залу безпечноспи (sans-fouci). Сидя на галлерей ея, можно забавляпсья правлею дикихъ зайцовъ, кошорыхъ въ саду очень много, и кошорыхъ выгоняющъ на площадку къ самой галлерей; или прекраснымъ опдаленнымъ видомъ, ибо мѣспоположеніе ея по пслугоръ выше деревьевъ, передъ нею шумящихъ; здѣсь прелесшной зеленой лужечикъ — по немъ извивающуюся свѣшлую рѣчку — на ней плавающихъ гордыхъ лебедей; на-

конецъ множество оранжерей съ лучшими деревьями, съ злыми плодами и проч. и проч. Каменная спѣна обносится кругомъ всего сада — страшнаго пространства; но вопль замѣчательная черта въ одномъ мѣстѣ, гдѣ идетъ спѣна сія, стоялъ древній развѣсившій дубъ; ему приходилось опасаться въ сада: хозяинъ велѣлъ обнести его спѣною — и дубъ, стоя въ треугольникѣ, говоритъ, кажется, прохожему: „я покоюсь въ уваженіе лѣтъ моихъ по великодушію моего владѣтеля.“

Мы были здѣсь всѣмъ своимъ обществомъ и прожили нѣсколько дней. Когда съ-

ли въ первой разѣ обѣдать, то раздалась вдругъ музыка въ круглой великолѣпной залѣ подлѣ столовой. — Блещущій столъ, огромная музыка, златые чертоги и мысль, что угощаемся безъ хозяина (*) — все это такъ было похоже на очарованіе, на Феино жилище, на волшебной замокъ — все это такъ плѣняло рыцарское воображеніе мое и вкусъ къ чудесамъ романовъ! . . . Послѣ симфоніи заиграли съ хорами пѣвчихъ извѣстный Польской: *Славься симъ, Екатерина*; слезы засверкали въ глазахъ у

(*) Которой очень рѣдко живешь здѣсь.

нѣкошорыхъ изъ дамъ моихъ...
Ахъ! имя ЕКАТЕРИНЫ, споль
драгоцѣнное вездѣ и всякому,
могло ли не прогашь здѣсь
и облагодѣшельствованныхъ
Ею! . . Я также пронупѣ
былъ до глубины души моей,
и самымъ сладоспнѣйшимъ
образомъ. — Мѣспо хозяина
заспупалъ родной брашъ его.
Я жалѣлъ, для чего онѣ не
наспоящій хозяинѣ подобнато
Екатерининѣ - дара, будучи
наспоящимъ человѣкомъ! . .
Какая душа, какой харак-
теръ! Діогенѣ погасилъ бы
передѣ нимъ фонарь свой —
клянусь вамъ въ эпомѣ —
или по крайней мѣрѣ, друзья
мои, вы вмѣспѣ со мною не

2-й лист - ли

пошли бы искашь другаго, лучшаго челоуѣка. —

Когда вы смоирише здѣсь на безѣискусивенную богашую Природу и на великолѣпный городской домъ, иио воображаеше его госпемъ, иноснранцемъ, копорой забрелъ сюда изъ Пешербургской Миллїонной . . . Такой конспраспъ разрушаешъ, кажецца, связь идей о сельскихъ прїяшноспяхъ.

Признаюсь искренно, что Екашерининъ — даръ ипребуешъ лучшей кисти, нежели моя — но я сдѣлалъ *эскизъ* его, и для меня довольно.

